

ЛЮ ХУН

ДОСТОЙНЫЕ
ЖЕНЩИНЫ
ИЗ ФУДИ

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Л 93

Liu Hong
THE GOOD WOMEN OF FUDI
Copyright © Liu Hong Cannon, 2024
Published by arrangement with David Higham Associates Limited
and The Van Lear Agency LLC
All rights reserved
Cover art © Jessica Cruickshank
Перевод с английского Натальи Власовой

ISBN 978-5-389-29974-0

© Н. Н. Власова, перевод, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

ОТ АВТОРА

Китайские имена и фамилии

В большинстве случаев китайские имена состоят из одного или двух, максимум из трех слогов. Фамилия, обычно односложная, располагается на первом месте. Если у человека односложное имя, то к нему обращаются по имени и фамилии, например: У Фан (У в данном случае фамилия, а Фан — имя) или Ли Цзянь (Ли — фамилия, Цзянь — имя); а если двусложное, то часто именно оно используется как обращение, особенно в неформальной обстановке, — например, Цзяли (ее фамилия Шэнь).

ГЛАВА ПЕРВАЯ

— Еще одна! — шепчет поджарый уроженец Восточной Азии, одетый в костюм западного кроя, когда корабль подплывает к древней пагоде, возвышающейся на вершине холма.

— Изысканно, не правда ли? — восхищается стоящий рядом с ним пассажир, высокий светловолосый европеец. — Кстати, я Чарльз. — Он наклоняется и представляется на китайском, на котором азиат точно говорит, хотя Чарльз и слышал, как тот беседовал с капитаном по-японски.

— Может быть, — цедит азиат, так и не назвав в ответ своего имени. — Но что толку для страны? Китай переполнен такими бесполезными нагромождениями изысканности, которыми восхищаются иностранцы, в то время как его народ погружается в небытие. Пожалуй, даже справедливо, что Китаем правят безжалостные маньчжуры. Да здравствует император Гуансюй!¹ — с поклоном произносит он.

Оскорбленный европеец отворачивается. Стоило бы догадаться: еще один надменный япошка, считающий

¹ Имеется в виду Айсиньгоро Цзайтянь, предпоследний император Империи Цин, правивший в 1875–1908 годах под девизом «Гуансюй», что в переводе с китайского означает «Славная преемственность». — *Здесь и далее примеч. перев.*

все китайское неполноценным. Чарльз, который и сам любит критиковать собственную культуру, не стал бы возражать против остроумного замечания японца о европейцах, но зачем еще сильнее позорить китайцев, и без того униженных после Опиумных войн?¹ Чарльз, как обычно, симпатизировал проигравшей стороне, однако щеголеватый японец, облаченный в этот свой западный наряд, да вдобавок с завидным мастерством говорящий на китайском языке, его заинтриговал: юноша презрительно отзывался о пагоде и о том, что она символизирует, но взгляд его был полон теплых чувств.

— Фуди, Фуди! — кричит кто-то на палубе.

Чарльзу известно, что по-китайски это название означает «Земля счастья», и сейчас он внимательно рассматривает берег. За оживленной гаванью его взгляд выхватывает очертания симпатичного китайского городка. Благоприятно расположенного с точки зрения фэншуй: зеленый холм с пагодой на вершине, чистая открытая вода на юге. Серые мазки крыш, облепивших склон; редкие сполохи красного, синего и золотого цвета от знамен, фонарей и флагов. Живописное зрелище! Именно таким соотечественники Чарльза представляют себе Китай, но найдет ли он здесь дом?

Японец тоже облакачивается на поручни, пристально изучая пагоду. Он слегка хмурится, и на гладком лице его появляется более сочувственное выражение,

¹ *Опиумные войны* (1840–1842, 1856–1860) — военные конфликты между западными странами и Империей Цин, которые разгорелись на территории Китая в XIX веке в основном из-за торговли опиумом; в результате этих войн Китай был вынужден уступить европейским державам часть своих территорий.

а уголки миндалевидных глаз немного опускаются, смягчая ощущение резкости, которое создает выразительная, четко очерченная линия подбородка. Чарльз решает, что у японца очень незаурядное лицо и что стоило бы дать этому человеку второй шанс.

— Вы хорошо знаете этот город? — спрашивает он.

Японец кивает. Чарльз отмечает про себя, что руки, сжимающие перила, необычайно маленькие и худые для мужчины.

— И насколько она древняя? — Чарльз указывает на пагоду.

— Построена в конце эпохи Сун.

— То есть ей около восьмисот лет.

— Сама по себе пагода неинтересна, — отмахивается японец. — Но вам стоит услышать легенду о ней.

Чарльз ободряюще улыбается, и японец продолжает:

— Жили-были две подруги, женщины, весьма преданные друг другу. Потом одна влюбилась в ученого, недостойного и слабого человека...

— В каком смысле слабого?

— Сейчас узнаете. Когда возлюбленная забеременела, ученый встретил монаха, который сказал, что эта женщина — змея, обманувшая его...

— Ого! — восклицает Чарльз. — Змея...

— ...и принявшая человеческий облик. Но какое это имеет значение? Любовь есть любовь, кем бы мы ни были! Ради своего избранника бедняжка пошла на большие жертвы. Она больше не могла обращаться в змею и вынуждена была оставаться человеком. Отказалась от всех своих способностей...

Чарльза заинтересовала как сама история, так и то, что молодой человек решительно защищал змею-оборотня.

— И ученый поверил монаху?

— Он вернулся домой, осыпал возлюбленную сладкими словами, обманом заставил ее выпить хризантемового вина, как велел монах, и тогда-то и проявилось ее истинное обличье.

— То есть на брачном ложе возлежала пьяная змея...

— ...беременная и влюбленная!

Чарльз представил довольно красочный образ: свернувшаяся кольцом, излучающая безмятежность змея с блестящей шелковисто-зеленой кожей. И подумал, что это довольно странно: он ведь всегда испытывал болезненный страх перед змеями. Наверное, все дело во властном голосе японца — в нем звучала такая убежденность, что невозможно было не проникнуться его рассказом. Это всего лишь легенда, напомнил себе Чарльз, чужая история в чужой стране. И весело осведомился:

— И что же сделал обманутый ученый?

— Когда его возлюбленная протрезвела и вернула себе человеческий облик, ученый попросил освободить его от их союза: как уже говорилось ранее, он был слаб и не заслуживал ее.

— Ну, не будьте слишком строги, — возражает Чарльз. — Он просто человек. Мы с вами поступили бы так же, я уверен.

Японец бросает на него полный холодного презрения взгляд, а затем отводит глаза и продолжает рассказ:

— Она уговаривала возлюбленного не покидать ее, обещала, что навеки останется женщиной, что ее истинный облик никогда больше не проявится. Но монах, который тоже был оборотнем и завидовал счастью пары, не дал этому сбыться.

— Змея и монах вступили в схватку, и монах победил, — кивает Чарльз.

Теперь история кажется ему знакомой: наверняка он читал нечто подобное в одном из многочисленных журналов, посвященных Дальнему Востоку, которые собирал, готовясь к поездке. Чарльз смотрит на пагоду, и это не ускользает от внимательных глаз собеседника.

— Вы знаете, чем все закончилось.

— После того как она родила, монах заточил ее в урну и закопал...

— ...прямо под пагодой.

— Именно под этой?

Японец отвечает расплывчато:

— Не исключено. Под каждой китайской пагодой скрывается беспокойный дух. — Затем он усмехается, и в глазах его вспыхивают огоньки. — Не лучше ли освободить их всех?

Теперь Чарльз вспомнил остальную часть истории.

— Но на этом все не закончилось, не так ли? Спустя годы ту женщину освободили, и сделала это лучшая подруга, которая принимала роды, вырастила ее сына и обучила всем навыкам, необходимым для победы над монахом. Насколько я помню, есть китайская поговорка «Благородному мужу и через десять лет отомстить не поздно»? Она позаботилась о том,

чтобы мальчик никогда не забывал свою мать. Годы и годы тренировок, терпения и целеустремленности.

— Черная змея была ее подругой, — бормочет японец, — настоящей подругой.

— А та, что влюбилась в человека, Белая змея... Я вспомнил! Это же сюжет пекинской оперы!

— Единственная легенда, которую стоит знать.

— Почему вы так говорите?

— А вы знаете какую-нибудь другую историю о том, как женщины оказались способны на преданность и были верны не мужчине, а друг другу?

Чарльз сглатывает. Он ошибался: японец далеко не высокомерен и холоден, как ему показалось вначале, им движут страсть и стремление к справедливости. И все же что-то в молодом человеке по-прежнему озадачивает его.

* * *

Берег уже заманчиво близок, но с высадкой приходится повременить из-за внезапного шторма — не редкость для этой субтропической части Китая. Из-за непогоды все, кроме Чарльза, прячутся в трюме.

Оставшись один на носу корабля, он делает глубокий вдох: порыв ветра освежает, приветствует, успокаивает клочоктавшую внутри него бурю. Молодой человек размышляет о разговоре с японцем. Впервые за три дня он отважился выйти из каюты, избегая других европейцев, и в одиночестве стоял отдельно от всех. Глеющее в сердце горе цепко сжимало его в утешительных крепких объятиях — никто не мог в них вторгнуться, и у самого Чарльза не было ни желания, ни сил вырваться. Но что-то в манерах молодого

японца возбудило его любопытство; возможно, дело еще и в том, что тот говорил на таком завидном для выходца из Японии китайском языке.

Чарльз не мог объяснить свою любовь к языку и культуре Китая, понять, отчего так одержим этой древней страной. Все началось, когда ему было двенадцать лет, с похода в книжный магазин. Он отказался тогда уходить, пока тетя не купит ему потрепанную китайскую книгу по астрономии.

— Но ты же не поймешь ни слова! — увещевала мальчика тетушка.

— Я научусь! — заявил Чарльз.

И он действительно научился.

«Отражение луны в воде и цветов в зеркале»¹. Эти загадочные метафоры его старый учитель-китаец передал Чарльзу в качестве прощального подарка перед тем, как молодой человек отплыл на другой конец света. Когда Чарльз объяснил, что, по его мнению, они означают, учитель Нин счел, что ученик проник в сущность китайского языка и культуры. Чарльз так долго корпел над пресловутыми тонами и непостижимыми чертами иероглифов, что теперь говорит нараспев и на родном языке, а окружающие сетуют, что его глаза косят, а улыбка стала загадочной. Но как им понять, какую радость испытываешь, расшифровав очередной изящный иероглиф, выяснив значение еще одного приятного уху слога?² Годы учебы привели молодого англичанина к этой работе в стране его

¹ По-китайски это выражение употребляется в значении «иллюзорность».

² Минимальной значимой единицей в китайском языке является слог.

мечты. И все же, со слезами на глазах прощаясь со своим учителем, Чарльз не мог вообразить, что слова и истории, над которыми он так долго корпел, теперь действительно оживут для него.

Погрузившись в размышления, Чарльз почти возмутился, когда на палубу выскользнул еще кто-то и встал рядом с ним. Однако затем улыбнулся, обнаружив, что это снова молодой японец, который смотрит на потемневшее небо и негромко ругается, причем по-китайски. Теперь, когда Чарльз сблизился с японцем, ему уже не казалось странным, что тот так часто использует китайский. Чарльз частенько ловил себя на том, что и сам бормочет по-китайски. И тут ему вроде как послышалось слово «свадьба».

— О какой свадьбе вы говорите? — восклицает Чарльз, глядя на расстроенного молодого человека.

— Да о той, что должна состояться сегодня, прямо сейчас. — Его собеседник вытирает с лица капли дождя. — Боюсь, из-за шторма я ее пропущу.

— Возможно, вас дождутся, отложат церемонию.

— Нет. Они не знают, что я приеду, поскольку получили письмо, что я не смогу присутствовать на свадьбе.

— А потом вы передумали?

Молодой человек опускает голову:

— Хотелось сделать ей сюрприз...

— Кому?

— Невесте.

— Как ее зовут?

— Шэнь Цзяли. — Японец тихо шепчет китайское имя, а затем его лицо расплывается в улыбке. — Другую такую вы не встретите нигде. Хотя все в Фуди слышаны о ее красоте и остроумии, никто, конечно, даже и не представляет, насколько она особенная!

— Понятно, — бормочет Чарльз.

Он боится озвучить очевидный вопрос. Японец наверняка влюблен в эту девушку; очень любопытно, что она китаянка. Не повезло парню. В Китае, насколько известно Чарльзу из прочитанного, принято жениться по расчету. Вероятно, у молодого человека не было ни единого шанса. Возможно, именно поэтому он и выглядел таким угрюмым — просто жалел себя. Кто, как не Чарльз, мог понять беднягу.

— Она пишет стихи и мастерски владеет мечом! — В голосе японца явственно сквозит гордость.

— Мечом?! — Чарльз изумленно поднимает бровь: китаянки, получившие хорошее образование, часто пишут стихи, но чтобы владеть оружием?

— Да, причем великолепно! Она лучшая в этом!

— С перебинтованными ногами?¹

— Она хакка². Женщинам хакка не бинтуют ноги. Но даже если бы и бинтовали, Цзяли не из тех, кто безропотно согласится на подобное, она бы сопротивлялась!

— Ясно.

Ветер немного утих. Свет озаряет серьезное лицо японца, которое теперь кажется Чарльзу довольно привлекательным.

— Итак, невеста просто замечательная. — Чарльз задумчиво смотрит на собеседника. — Жених тоже должен соответствовать.

¹ Поскольку идеалом женской красоты в Китае считалась крошечная ножка, девочкам из состоятельных семей бинтовали ноги, чтобы не дать стопе расти.

² *Хакка* — субэтническая группа, проживающая в основном на юго-востоке Китая; считаются потомками жителей Северного Китая, которые из-за войн переселились на юг страны.

— Не могу ничего сказать, так как плохо его знаю, но, по слухам, он преподаватель.

— Да ну? — Чарльз изумленно моргает.

— В военно-морском училище. В том, что на другой стороне гавани, со зданиями в «заморском» стиле. Это новое совместное предприятие, созданное китайцами и...

— Я знаю про это училище. — Чарльз усмехается, впечатленный тем, что японец использует слово «заморский»: так обычно китайцы называют все иностранное. — На самом деле... — Он некоторое время колеблется, а потом все-таки решается спросить: — А что он преподает?

— Науку о звездах и планетах. Цзяли писала мне, какой он умный: каждому двустижию, которое она сочиняет о луне, он дает точное научное объяснение. — Последние слова молодой человек произносит с ноткой сарказма.

— Разве наука не важна? Я думаю, это именно то, что сейчас нужно Китаю.

— Просто вы не китаец! — отмахивается юноша.

— Вы тоже. Должен сказать, что для японца...

— С чего вдруг, интересно, вы зачислили меня в японцы?

— А вы разве нет? — Чарльз удивлен. — Я слышал, как вы говорили по-японски с капитаном корабля в Шанхае, да и одеты вы в...

Его собеседник широко улыбается, демонстрируя белые зубы, как озорной ребенок.

— Вы не первый, кто ошибается. На всем пути от Токио до Шанхая меня принимали за японца, и мне нравилось всех поправлять. Через некоторое время

мне пришла в голову мысль повесить на грудь ярлык с указанием моей истинной национальности, но позвольте спросить: разве только японцам разрешено носить одежду европейского кроя?

— Ну что вы, конечно нет, — бормочет Чарльз, застигнутый врасплох подобным вопросом, но ничуть не обиженный. — Давно вы уехали из Фуди?

— Два года тому назад. Я изучаю медицину в Японии. Передо мной открылась возможность стать хирургом, но сейчас нужно вернуться в Китай.

— А теперь вы еще и свадьбу пропустили. Значит, зря прервали обучение. Какая жалость!

— Но оно того стоит, — настаивает его спутник. — Я хочу снова увидеть свою подругу. В Фуди открылась больница западного типа, которой заправляют миссионеры. Моя цель — найти в ней работу и продолжить обучение там.

Их разговор прерывается, пока корабль величественно заходит в оживленную гавань. Потоки движутся в двух направлениях: по причалу в сторону города тащатся грузчики-кули, сгибаясь под тяжестью ящичков с опиумом, а на чайные клиперы с белоснежными парусами грузят плотно набитые ящички с улуном, чтобы быстрее отправиться обратно за океан.

На палубе между тем появляются еще двое европейцев.

— Мы разоряем китайцев, заставляя их легализовать торговлю опиумом, — говорит один из них.

На что его приятель легкомысленно отвечает:

— А нам они продают чай, вызывающий такое же привыкание.

Чарльз поворачивается, желая увидеть, как отреагирует на подобные комментарии его новый знакомый, который, как выяснилось, китаец, но того уже и след простыл.

* * *

В спешке сойдя на берег, Чарльз на мгновение забывает о китайском юноше, но, забравшись в карету, присланную за ним консулом из города, он вновь видит этого молодого человека, чье имя до сих пор не знает, — миниатюрную фигурку, склонившуюся над перилами, последнего, кто остался на корабле. Бедняга пропустил свадьбу и теперь выглядит совершенно подавленным.

Карета катится вверх по холму, оставляя гавань позади.

— Мне поручено отвезти вас в Международный клуб, — объясняет кучер.

Чарльз кивает и откидывается на спинку сиденья. Яркие тропические цвета и насыщенные ароматы будоражат его душу. Он чувствует, что перед ним прекрасное и особенное место, земля, хранящая тайну. Чарльзу хочется приоткрыть ее завесу, поскольку впервые за долгое время где-то среди этих непередаваемых запахов он чувствует покой.

«Покойся с миром, Анна», — мысленно обращается он к женщине, воспоминания о которой вызывают в его сердце одновременно боль и наслаждение. При записи ее имени на китайском используется иероглиф «ань», обозначающий «покой, безопасность». Весьма подходящее имя, если учесть, что в присутствии Анны Чарльз всегда ощущал просто невероятное спокой-

ствие — несомненное доказательство того, что между ними была настоящая любовь, которую он, увы, утратил навсегда. Потеряв Анну, он лишился покоя.

Позже его мысли снова возвращаются к китайскому юноше. Чарльза гложет предчувствие, что их пути снова пересекутся, и не в последнюю очередь потому, что девушка, вызывающая восхищение его нового знакомого, почти наверняка сочеталась браком с китайским коллегой Чарльза по военно-морскому училищу.

* * *

Оставшись один, юноша бормочет:

— Ох, Цзяли, Цзяли, ну почему ты не подождала меня?

Наверняка она весьма изысканно выглядела в красном атласе, как и положено невесте¹, а кожа ее даже мягче самой дорогой ткани. Вот жених осторожно наклоняется, чтобы откинуть покрывало, и видит лицо, что красотой «затмевает луну и позорит самые прекрасные цветы»². О, как они смеялись над примитивностью этих клише, и все же насколько точно эти строки описывают Цзяли. Улыбается ли она, встречаясь с женихом взглядом, или, напротив, кокетливо отводит глаза? В любом случае все, что происходит между ними, отныне принадлежит только им двоим. Совсем уже скоро гости разойдутся и новобрачные

¹ В китайской традиции красный — цвет радости, а потому на свадьбу всегда надевали наряды красного цвета.

² Считается, что в первой части фразы говорится о красоте Си Ши, а во второй — о красоте Ван Чжаоцзюнь, двух из четырех великих красавиц Древнего Китая.

останутся наедине, чтобы испытать наслаждение. Закрыв глаза, молодой человек тихонько бормочет:

— Я никогда не забуду тебя, пусть даже стану беззубой старухой...

Это цитата из стихотворения эпохи Тан¹ «Свадебная ночь». Невеста хорошо знает эти строки, как и он. Посылать друг другу стихи — как древние, так и собственноручно написанные — было одним из их любимых развлечений. Юноша опускает голову и обнимает себя за плечи.

Вся фигура его символизирует скорбь.

— У Фан! Госпожа, то есть, прошу прощения, господин!

Хор голосов заставляет юношу поднять глаза.

На берегу его с нетерпением ожидает прекрасная свита: паланкин, покрытый пурпурным шелком с узором в виде цветка сливы; верные слуги и служанки с подушками и веерами; друзья, молодые и старые; и, наконец, пожилые родители, встречающие свое непокорное дитя. У Фан слегка откидывается назад, пытаясь на расстоянии определить, насколько они постарели; внезапно накатывает одиночество.

— Фан... — шепчет старуха, когда ее кровиночка наконец предстает перед ней. Ее девочка.

— Мама, обними меня, как в детстве!

Они обнимаются, и дочь, вдохнув знакомый запах матери — ах, родной дом! — роняет слезу.

— Мы сделали, как ты просила, и не сообщили Цзяли о твоём возвращении, чтобы ты могла устроить ей

¹ Золотой век китайской поэзии (618–907), наследие которого составляет более 50 000 дошедших до нас стихотворений.

сюрприз, — мать гладит У Фан по затылку, — но, боюсь, ты опоздала...

— Я знаю, знаю. Свадьба уже закончилась. Как досадно!

— Не бери в голову, дитя мое. Вы скоро встретитесь как старые подруги.

Конечно же, они с Цзяли снова станут подругами, но не такими, какими были раньше, а такими, какими их знает мир. Ей не следовало уезжать.

Пока паланкин несут по знакомым переулкам, У Фан откидывается на спинку сиденья и жадно вглядывается в городские пейзажи, по которым так скучала. А потом, закрыв глаза, видит себя и Цзяли тринадцатилетними девочками. Вот они стоят на коленях в каменной лодке в отцовском саду. Поэтесса, мастерски владеющая мечом. Будущая целительница, разбирающаяся в секретах трав. Мир несправедлив, и особую ненависть они питают к браку, угнетающему женщин, к той самой пагоде, под которой погребены страстные и непокорные змеи.

«Я торжественно клянусь никогда не выходить замуж, пока я жива!» — оглашает окрестности ее громкий и решительный голос.

«И я тоже клянусь никогда не выходить замуж!» — поддакивает Цзяли чуть тише.

Лю Хун

Л 93 Достоянные женщины из Фуди : роман / Лю Хун ; пер. с англ. Н. Власовой. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 384 с. — (The Big Book).

ISBN 978-5-389-29974-0

Жили-были две подруги, Черная змея и Белая змея, и однажды Белая змея полюбила человека. Человек оказался слаб и предал ее, а Черная змея ее спасла.

Так гласит легенда, а в реальности две подруги, Цзяли и У Фан, еще в детстве поклялись, что сами выберут свой путь. Цзяли — известная поэтесса и целительница, У Фан — будущая женщина-хирург, первая в Китае. Обеим повезло — их воспитывали поистине свободными людьми, и они живут вопреки правилам, которые китайское общество начала XX века навязывает женщинам. Однако Цзяли выходит замуж, и все их планы и мечты оказываются под угрозой.

Только что овдовевший Чарльз прибывает из Англии в Китай, где надеется начать новую жизнь. Высокомерие соотечественников ему претит, и он заводит дружбу с китайским коллегой Яньбу, его молодой женой Цзяли и ее подругой У Фан. Вместе эти четверо работают и учатся друг у друга — культуры и традиции перемешиваются, дробятся, видоизменяются. Но наступает день, когда Чарльзу приходится сделать выбор между родиной и друзьями...

Лю Хун, глубокий знаток китайской истории, написала роман о настоящей дружбе, самопожертвовании, тихом бунте и преодолении границ. Здесь китайские легенды перемешиваются с «Повестью о двух городах», а Черная змея снова и снова спасает Белую змею, хотя какой ценой — вопрос открытый.

Впервые на русском!

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ЛЮ ХУН
ДОСТОЙНЫЕ ЖЕНЩИНЫ ИЗ ФУДИ

Ответственный редактор Анастасия Грызунова
Редактор Ирина Беличева
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Людмила Дубовая, Татьяна Бородулина

Подписано в печать / Баспага қол қойылды 12.02.2026.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 23,52. Заказ №

Иготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Санкт-Петербург қ., «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-ABB-39125-01-R